

8u(top)
40-14

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Августа 1900 г.

ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

XIX-й ВѢКЪ.

Шатобріанъ.

ГЛАВА I.

Запоздалые представители XVIII-го вѣка.

Началомъ XIX-го вѣка слѣдуетъ считать 1801 г., такъ какъ въ этомъ году уже писалъ Шатобрианъ. Но, съ 1800 г. почти въ теченіе пятнадцати лѣтъ, французская литература, по господствующему въ ней направленію, представляетъ, въ сущности, продолженіе XVIII-го вѣка. Небольшія поэмы въ духѣ Вольтера, трагедіи во вкусѣ его учениковъ, романы въ духѣ послѣдователей Дидро и Ричардсона, — вотъ, что является въ полномъ свѣтѣ въ то время, когда въ тѣни медленно развивается совершенно новый родъ литературы. Это называли литературой времени Имперіи. Но такое названіе не вполне точно, потому что въ этотъ періодъ Шатобрианъ и м-ме Сталь написали самыя выдающіяся свои произведенія; хотя, съ другой стороны, оно — относительно вѣрно, такъ какъ названные авторы оцѣнены по достоинству только слѣдующимъ поколѣніемъ.

Эта «литература временъ Имперіи» — крайне слаба. Царемъ ея считался Делиль; но онъ былъ уже старъ и свои лучшія произведенія создалъ еще до революціи. Впрочемъ, онъ былъ на вершинѣ своей славы, считался бессмертнымъ и, когда умеръ, въ 1813 г., былъ похороненъ съ царскими почестями. На ряду съ нимъ пользовались большимъ почетомъ его подражатели, дидактическіе поэты, представители процвѣтавшаго тогда описательнаго жанра. Это были: Кастель, который написалъ поэмы *Plantes* и *La forêt de Fontainebleau*; Эменаръ, который отдыхалъ послѣ своей трагедіи *Trajan*, развлекаясь сочиненіемъ поэмы *Navigation*; Гюдень де ла Бренельри (какъ историкъ, кстати сказать, обладавшій большою эрудиціей), который написалъ поэму *L'astronomie*. А сколько еще появилось другихъ поэмъ, воспѣвавшихъ земледѣліе, рыбоводство, шахматную игру, триктракъ и пр.!

Упражнялись тогда также въ сочиненіи эпическихъ поэмъ. Такъ, напр., Парсеваль-Гранмезонъ написалъ поэмы *Filippe-Auguste* и *Amours épiques*.

Театръ въ это время влачилъ жалкое существованіе, пробавляясь передѣлками и подражаніями. Преобладали псевдоклассическія трагедіи. Таковы: *Vestale*, *Tippo-Sarib* Этьена Жуи, котораго больше прославилъ его нравоучительно-юмористическій *L'ermite de la Chaussée d'Antin*, — произведеніе, обнаружившее авторскую наблюдательность; *Agamem-*

non Непомюсена Лемерсье, который, впрочем, въ *Pinto* почти достигъ внутренняго строя и формы романтической драмы, какіе выработались въ ней двадцать лѣтъ спустя; *Caton d'Utique* и *Les templiers* Ренуара, отличающіеся, впрочем, силою и отмѣченные печатью истиннаго таланта. И другія многочисленныя пьесы въ томъ-же родѣ доставляли тогдашней публикѣ несомнѣнное, хотя и нѣсколько вялое удовольствіе, состоящее въ удовлетвореніи привычки.

Въ комедіи, какъ всегда было во Франціи, замѣчался меньшій упадокъ, чѣмъ въ трагической драмѣ; здѣсь не было перехода отъ посредственности къ низшей степени. Жуи, лучший и въ этой области, какъ въ трагедіи, заслужилъ аплодисменты своими комедіями: *L'avare héritier*, *L'homme aux conventions* и *M. Beaufrils*. Этьеннь, очень тонкій, очень остроумный, написалъ пьесы: *Le rêve*, *Une jeune femme en colère*, *Brueys et Palaprat*, *Deux gendres*. Идея послѣдней имъ заимствована, и онъ, къ стыду своему, не сразу въ этомъ сознался. Потомъ онъ сдѣлалъ изъ нея очень веселую комедію, *L'intrigante*, чтеніе которой и теперь еще доставляетъ большое удовольствіе. Пикарь, очень плодовитый авторъ, обладавшій безыскусственной веселостью и пріятнымъ добродушіемъ—очень похвальными свойствами—былъ неистощимъ въ своихъ драматическихъ забавахъ: *Médiocre et rampant*, *L'entrée dans le monde*, *La petite ville*,—очень

занимательная передѣлка въ комедію одной восхитительной страницы изъ Лабрюйера, — *Les marionettes*, *Les deux Philibert* и пр.

Сантиментальный и слезливый романъ свирѣпствовалъ эпидемически; въ этой области творчества двѣ писательницы, Коттенъ и Жанлисъ, соперничали другъ съ другомъ въ своей плодовитости. А кому хотѣлось развлечься послѣ слезъ, тотъ могъ читать комическіе и даже шуточные романы Пиго-Лебрэна. Онъ написалъ: *L'enfant du carnaval*, *Mon oncle Thomas*, *L'observateur* и еще тридцать романовъ, между которыми *Le beau-père et le gendre* обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что онъ подписанъ Пиго-Лебрэномъ и его зятемъ Ожьё. Это напоминаетъ намъ, что Пиго-Лебрэнъ — дѣдъ Эмиля Ожьё.

Но настоящими представителями «литературы времени Имперіи», которымъ по праву принадлежитъ этотъ почетный титулъ, могутъ быть названы второстепенные поэты (*les petits poètes*), рассказчики, поэты-анекдотическіе и полу-элегическіе. Къ нимъ принадлежатъ Фонтанъ, Андриэ, Арно, Парни. Фонтанъ, — который былъ крупной персоной въ эпоху Имперіи, ректоромъ университета, сенаторомъ и пр., — представляетъ изъ себя искуснаго версификатора и почти можетъ быть названъ поэтомъ. Онъ обладаетъ изяществомъ и умомъ. Его *Le jour des morts à la campagne* не лишень достоинствъ;

М-ме Сталь.

Les contemporains, это—этюды, посвященные писателямъ, вошедшимъ въ славу послѣ 1870 года; они носятъ тотъ же характеръ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, этюдъ о Ренанѣ или о Золя, представляютъ вполнѣ законченныя литературныя статьи.

Кромѣ того, онъ написалъ рядъ рассказовъ; нѣкоторые изъ нихъ, особенно *Sérénus*, восхитительны.

Выше мы уже упомянули въ нѣсколькихъ словахъ о его драмѣ, пока являющейся только началомъ его новой карьеры, которой суждено прославить его имя.

Лемэтръ—одинъ изъ трехъ или четырехъ царей современной литературы. За ними, правда, уже поднимаются нѣкоторые другіе, но мы пишемъ исторію прошлыхъ царствъ и настоящаго, а потому наша задача закончена.

Дальше намъ пришлось бы перейти къ области предсказаній.

ГЛАВА XIV.

Заключеніе.

XIX-й вѣкъ, такъ же, какъ XVII-й, представляетъ величайшую литературную эпоху въ исторіи Франціи. Эти два вѣка, не смотря на большую разницу между ними, имѣютъ и большое сходство. Это великіе философскіе, поэтическіе и — можетъ быть, потому именно — религіозные вѣка, — религіозные въ томъ смыслѣ, что оба они придавали весьма важное значеніе религіознымъ вопросамъ, оба подвергали ихъ всестороннему анализу и изученію. И въ области мысли и искусства оба они достигли высочайшихъ вершинъ. XVII-й вѣкъ гораздо лучше понималъ бы нашъ вѣкъ и отнесся бы къ нему съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ XVIII-й; а XIX-й вѣкъ, по нашему мнѣнію, гораздо глубже понимаетъ XVII-й, чѣмъ могъ бы это сдѣлать XVIII-й. Достаточно прочесть *Le siècle de Louis XIV*, для того, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Оба вѣка—и XVII-й, и XIX-й—страстно увлекались поэзіей: одинъ—въ особенности драматической, хотя не былъ лишень и лирическихъ поэтовъ первой величины, другой же—въ большей степени лирической поэзіей, хотя, въ свою очередь, въ продолженіе нашего вѣка со сцены произносились прекраснѣйшіе стихи, какіе только звучали со времени Корнеля.

Оба вѣка въ такой же мѣрѣ увлекались высшей философіей: одинъ имѣлъ Декарта и Мальбранша (не считая Гассенди), другой—Ройе-Коллара, Кузена, Огюста Конта, Ишолита Тэна, Эрнеста Ренана.

Оба они отличались краснорѣчіемъ: одинъ имѣлъ Боссюэта и Бурдалу, другой—Гизо, Берриэ, Монталамбера, Лакордера.

Наконецъ, оба они горячо обсуждали моральные и религіозные вопросы и были проникнуты сознаниемъ ихъ важности; одинъ произвелъ Арно и Паскаля, другой—Бенжамена Констана, Эдгара Кинэ и Ренана; одинъ создалъ философію, другой, хотя и созналъ ея тщетность, но всеже съ увлечениемъ и энергіей стремился къ ея развитію, чѣмъ сильно содѣйствовалъ прогрессу человѣческой мысли.

Эти два вѣка дѣлаютъ величайшую честь Франціи; они доставили ей высокое мѣсто въ человѣчествѣ.

Въ частности же, XIX-й вѣкъ во Франціи великъ тѣмъ, что ему удалось возстановить и создать.

Онъ возстановилъ великую поэзію, которая была близка къ полному забвенію. Онъ возродилъ крас-

норѣчіе, которое въ дѣйствительности появилось вмѣстѣ съ Руссо и однимъ-двумя революціонными ораторами, но систематически стало практиковаться многочисленными знаменитыми людьми только съ 1815 года. Онъ возродилъ великую комедію; и, если говоря о Скрибѣ, видятъ въ немъ преемника Бомарше, то изучая Дюма-сына и Ожье и разыскивая ихъ предковъ, трудно было бы не дойти до Мольера.

XIX-й вѣкъ дѣйствительно создалъ индивидуальную поэзію, — ту поэзію, въ которой изливаются самыя сокровенныя чувства человѣческаго сердца, непосредственно проявляется трепеть самой человѣческой души. Напрасно было бы искать ей аналогій въ XVII-мъ вѣкѣ, въ XVI-мъ и даже въ древности. Это вполне — созданіе XIX-го вѣка.

Онъ создалъ также — я не скажу: историческую драму, потому что историческая драма — та же трагедія, только съ нѣкоторыми отличіями въ формѣ, но историческую комедію, едва лишь намѣченную, и то — очень смутно, въ нѣкоторыхъ трагикомедіяхъ XVII-го вѣка.

Это послѣднее изобрѣтеніе можетъ показаться плохимъ и, въ самомъ дѣлѣ, особеннаго значенія не имѣеть. Однако, отмѣтимъ, что трагедія есть историческая драма, а комедія есть представленіе въ комическомъ видѣ современныхъ нравовъ, и что поэтому между трагедіей и комедіей не было бы ничего общаго, еслибъ не существовало исторической комедіи; точно такъ же, какъ между комедіей,

Жюль Лемэтръ.

Ростанъ.

въ тѣсномъ смыслѣ слова, и трагедіей не было бы ничего общаго, еслибы не существовало мѣщанской драмы.

Историческая трагедія, историческая комедія, мѣщанская драма и мѣщанская комедія — вотъ полный и вполнѣ нормальный театр. Создавъ мѣщанскую драму, XVIII-й вѣкъ началъ пополнять необходимый составъ театра, а XIX-й вѣкъ созданиемъ исторической комедіи это пополненіе завершилъ.

Наконецъ, XIX-й вѣкъ почти создалъ (съ этимъ, вѣроятно, согласятся) нашу критику, такъ какъ до него она обнаруживала только попытки къ существованію. Безъ сомнѣнія, критика въ XIX-мъ вѣкѣ, заповнивъ всю литературу, явилась бичемъ для своего времени, и потомству будетъ казаться страннымъ, что этотъ вѣкъ меньше оставилъ самихъ книгъ, чѣмъ критическихъ отзывовъ о книгахъ; но всякое истинное нововведеніе сопровождается подобной крайностью. Наше время также наводнено критикой, какъ XVII-й вѣкъ былъ наводненъ трагедіей, а тридцатые годы XIX-го вѣка — элегической поэзіей.

Но критика не только этимъ заявила себя. Она старалась выяснитъ свою роль, понять, чѣмъ она была и чѣмъ должна быть, какъ третье сословіе литературы. Дѣлаясь исторической, она связывала себя съ исторіей, становясь догматической — обращалась къ философіи, превращаясь въ импрессионистскую — держалась за искусство, становясь про-

нической и боевой — примыкала къ сатирѣ. И если она, можетъ быть, не опредѣлила своей сущности, то, во всякомъ случаѣ, окрѣпла и сдѣлалась несомнѣнно важною областью общественной мысли.

Въ результатѣ, литературный горизонтъ въ XIX-мъ вѣкѣ скорѣе расширился, чѣмъ сѣзился, почти во всѣхъ отношеніяхъ. Есть основаніе бодро смотрѣть впередъ. Будущее націи, конечно, важнѣе, чѣмъ будущее литературы; но литература во всѣ времена служила очень важнымъ элементомъ въ созданіи величія Франціи, и потому нужно радоваться, что она не клонится къ упадку.

Заканчивая нашу книгу, пожелаемъ успѣха и славы литературѣ, пожелаемъ счастливаго будущаго этой «доброй и могущественной утѣшительницѣ».

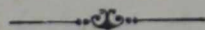
К о н е ц ъ .

УКАЗАТЕЛЬ

ПОРТРЕТОВЪ И ФАКСИМИЛЕ.

			<i>Стран.</i>
Портретъ	Шатобріана	на отдѣльномъ листѣ	4
"	м-ше Сталь	" " "	8
"	Жоржъ-Зандъ	" " "	16
"	Ламартина	" " "	24
Факсимиле	Шатобріана	" " "	30
Портретъ	Виньи	" " "	32
"	В. Гюго	" " "	40
"	Дюма-отца	" " "	48
Факсимиле	Ламартина	въ текстѣ	51
"	В. Гюго	" "	53
Портретъ	Мюссэ	на отдѣльномъ листѣ	56
"	Бальзака	" " "	57
"	Готье	" " "	64
"	Беранже	" " "	72
"	Делавиня	" " "	73
"	Б. Констана	" " "	80
"	Тьера	" " "	88
"	Мишле	" " "	96
"	Ренана	" " "	104
"	Тэна	" " "	112
"	Дюма-сына	" " "	120
"	Сарду	" " "	121
"	Фёллье	" " "	128
"	Шербюлье	" " "	129
"	Додэ	" " "	136
"	Золя	" " "	137
"	Мопассана	" " "	144
"	Л. де Лиля	" " "	152
"	Сюлли Прюдома	" " "	160
"	Фр. Коппе	" " "	168
"	Верлена	" " "	176
"	Ришпена	" " "	184
"	Сореля	" " "	185
"	А. Франса	" " "	192
"	Ж. Лемэтра	" " "	196
"	Ростана	" " "	197

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Первая половина XIX-го вѣка.

	<i>Стран.</i>
ГЛАВА I. Запоздалые представители XVIII-го в.	5
II. Первые романтики	19
III. Второй періодъ романтизма	32
IV. Третій періодъ романтизма	54
V. Классики	66
VI. Литература политическая. Литература фило- софская	78
VII. Историки и критики	87
VIII. Ораторы. Полемисты	100

Вторая половина XIX-го вѣка.

ГЛАВА IX. Философская литература	104
X. Драматическая литература	119
XI. Романическая литература	127
XII. Поэты	148
XIII. Историки, критики и публицисты	166
XIV. Заключение	194
Указатель портретовъ и факсимиле	199

Опечатка: на стран. 13, строка 7--8, напечатано: цвѣтокъ
слѣдуетъ читать: листокъ.

